

Я вас Люблю

**Со сцены Театра
Моссовета Евгения
Поплавская сошла
в жизнь. Дальше
был Афганистан,
Чечня, больницы
для беженцев,
ночлежки для бом-
жей... Она знает:
милосердие -
это то, что никогда
нельзя сыграть**

Мой прадед - офицер царской армии, отправивший служить на Кавказ, как Лермонтов. В доме хранится Евангелие, подписанное на титульном листе стихами рукой Константина Романова. Такие Евангелия были вручены Великим Князем одиннадцати отличившимся офицерам. Я воспитывалась на Кавказе прадедом и прабабушкой. Заперев в самом доме города Черкесска, они пытались вырастить меня княжной, учили языкам, музыке, кинисенам, заставляли ходить в калошах, под зонтом и вышивать гладью. А я мечтала стать летчиком, адвокатом и артисткой одновременно. Я на ночь читала «Отче наш», а утром совала руку под подушку, и боженька клал туда какой-нибудь подарок. Как только я вступила в пионеры, подарки исчезли. Прабабушка сказала, что я теперь дружу с дьяволом. Естественно, это кончилось тем, что в пятнадцать лет я бежала из дома в театр.

Я закончила филиал Шукшинского, училась вместе с Сашей Кайдановским. Кроме того, у меня три прикладных образования: дизайнер по трикотажу, курсы лидеров в «Академии управления» и психологическое, которое я получила, начав заниматься адаптационными программами для беженцев. Я начинала актрисой Театра Моссовета, играла Джему, Консуло в спектаклях с Бирман, Раневской и Марецкой. Потом работала в театре в Калинин. Юрий Петрович Любимов взял меня на Маргариту в «Мастере и Маргарите», я долго репетировала в первом составе с Высоцким. Через три года у Любимова изменился взгляд на Маргариту, он взял Шапку. По амплуа я была более лирико-драматической героиней, играла Катерину в «Грозе», Татьяну в «Общине», Дунечку Раскольникову в «Преступлении и наказании», Маю в «Часе пик», Вяземскую в «Товарищ верный».

Зарплата артистки была сто тридцать рублей, а ночами я зарабатывала как дизайнер по трикотажу. Я вязала все, вплоть до скатертей и пальто, друзья-художники сдавали это в Художественный фонд под своими фамилиями, а мне давали наличные. Потом во мне что-то надломилось, и я поняла, что надо заниматься другим, потому что трудно терпеть режиссерское давление. К тому же моя дочка Яна Поплавская стала много сниматься в кино. В десять лет у нее уже была «Красная шапочка», и дальше - каждый год по картине. А я бегала при ней на съемках с термосом и бутербродами. Тогда я создала театральную студию «Начало» в клубе Серфимовича и помимо театральных спектаклей устроила салон. В салоне было много интересного, вечера с Менем. С Политковским, Листевым и Захаровым мы сделали устный «Выездной Взгляд». Шел 86-й год, очень много выразилось цензурой, и то, что не выходило на экран, внутри салона показывали и обсуждали. Там творилось страшное свободомыслие. Помню, в три часа ночи я показывала снимки разгона грузинской демонстрации саперными лопатками, и нас самих разгоняла милиция. По Москве пошла слава.

Однажды к нам пришли матери солдат, попавших в плен в Афганистан. Им сказали, что есть Поплавская, которая всем помогает, кому-то звонит, понает ногами. Мы послушали, подумали, потом народ разошелся, и в зале остались тридцать человек, ставших впоследствии основой комитета «Надежда». Комитет «Надежда» сразу выступил с инициативой поехать освободить пленных из Афганистана. Кому-то в МИДе идея понравилась, ведь если хорошо пройдут переговоры, то МИД «молодцы», плохо - бабы дуры, что с них возьмешь.

То, что там война, я не очень понимала, у меня вообще пониженный барьер опасности, я привыкла к скорости, к машине, мотоциклу. А нашему правительству было выгодно, чтобы какая-нибудь делегация поехала на переговоры к оппозиционному правительству, потому что наша страна их официально не признавала и встретиться с ними не могла. Это мы поняли потом, а тогда была идея фикс найти деньги и спасти пленных. Обратились к Андрею Дмитриевичу Сахарову, он сказал, что если правительство не даст денег, то пойдет на митинг и объявит сбор денег.

Мы узнали, что Дмитрий Язов в Доме кино будет рассказывать о новых конверсионных изысках, нам к этому времени его адъютант назначил день приема. Пришли в Дом кино, и, когда дошло до вопросов, одна из матерей спросила: «Скажите, а как обстоят дела с пленными в Афганистане?» А Язов ответил, что пленных нет, что всех их в 75-м году взорвали на каком-то складе моджахеда. Действительно, был такой эпизод, но там взорвали двенадцать человек. У нас же была своя карточка, на 836 человек пропавших без вести, и по Министерству обороны официально числилось 314 человек. Что тут стало с родителями!

Начался дикий скандал. Я поняла, что сейчас родители разорвут Язова на части и мы никуда не полетим и никого не освободим. Я ринулась на сцену, встала между Язовым и родителями и сорок минут разясняла народу об этом эпизоде и об остальных пленниках. А по-

Не ждони славы, ни аплодисментов

том говорю Язову: «Кстати, мы с вами встречаемся в понедельник». Он удивился, и по изменившемуся лицу адъютанта я поняла, что нам просто врал, нас никто не собирался подпускать к министру обороны. Тут весь Дом кино повскакивал с мест, журналисты бросились на сцену, и начался шантаж Язова, что если он сейчас же не назовет день, час и номер кабинета, то все газеты... Язов согласился, принял нас в воскресенье и дал самолет до границы.

Полетели в Пакистан, добрались до Пешавара, провели первые переговоры с оппозицией. Это было шоу, нас охраняли двенадцать автоматчиков, мы ходили в черном, в головных уборах и чулках в 57-градусную жару. Нам устраивали психологическую атаку. Рядом с нами взорвали автобус, зрелище запредельное. Мы решили, что это совпадение. А на следующий день все газеты вышли с заголовком «Бомба для советских матерей».

В первый раз никого из пленных не отпустили, потому что не была ясна позиция Горбачева по поводу нас. Анатолий Собчак и Ельцина Гаер устроили нам встречу с Горбачевым, на следующий день не было ни одной газеты без фотографии меня рядом с Горбачевым. И это было официальным признанием наших полномочий. Горбачев позвонил Наджибуле. Мы полетели в Афганистан. Всякое было в наших поездках, ведь когда идет война, можно верить только в судьбу.

Как-то влетали из Кабула, не успели подняться, вдруг скользящее попадание ракеты, частичная разгерметизация, и самолет практически начинает падать. Начали раздвигать парашюты, а я сижу, думаю: «Как за это кольцо дергать, непонятно, а главное, на мне же юбка. Полечу на парашюте, она же все поднимется и мне на голову наденется. Хороша же я буду». Чудом обошлось. Легали мы, конечно, в жутких условиях, на транспортных самолетах, на соломе. Когда накурят, когда не накурят. Проедем через рынок в гостиницу, а через пять минут по телевизору показывают этот рынок разбомбленным и куски человеческих тел.

В Афганистане очень рано стареют женщины. Однажды в меня влюбился двадцатичетырехлетний охранник-афганец, все время за мной ходил, у мамы своей разрешения спрашивал жениться. Я очень молодо выглядела, а у меня уже был внук, и я очень просила наших женщин из комитета не огорчать его, не говорить, что я уже не девушка, а бабушка. А еще я дралась в прямом эфире с Наджибулой: он вручал правительственные награды за помощь афганскому народу. И когда произнесли мою фамилию, когда я увидела медаль, я схватила руку Наджибулы и закричала: «Я не заслуживаю, я не воевала!» Я отбивалась, он вцепился в мою грудь мертвой хваткой, прикладывая награду, потому что нельзя было нарушить протокол, и при этом кричал по-русски: «Помогите».

Было освобождено шестнадцать человек. Эта цифра кажется маленькой отсюда, из России, и кажется большой тому, кто там был и знает, что за этим стояло.

А потом к нам стали обращаться не по афганской теме, и мы создали «Орден милосердия».

Чтобы начать собирать, я пошла учиться на государственные курсы лидера в «Академию управления», при Совете Министров СССР. Экономисту преподавал у нас Гайдар. Мы его очень любили, но каждый раз оставались после занятий, я подходила к Егору Тимуровичу и говорила, что мы ничего не поняли. Он нервничал, отменял свои дела и устраивал нам другие занятия, на которых рассказывал еще более сложным языком. Когда был очередной съезд демократической партии, я подошла к нему и сказала: «Вы, главное, говорите попроще». И села в первый ряд, он вышел на трибуну и что-то такое заговорил... Потом была пауза, он посмотрел на меня в первом ряду и говорит: «Больше так не буду».

На самом деле, я многому научилась. В 91-м году закупилась для «Ордена милосердия» несколько тонн тканей, ниток, рюшек, тесьмы, у меня была задача, чтобы деньги не горели. Спустила шесть лет у меня есть тесьма, которая стоит 10 копеек старыми, или ситца за рубль семидесять пять. Наша программа занята в «Ордене милосердия» называется «Надомные места» и до сих пор существует на этих материалах. Шьется из этого постельное белье и ночные рубашки и раздаются в зоне конфликтов, аварий и наводнений.

В момент сильной инфляции я купила две тонны ниток, которые были «пересушены» и ни на что не годились. Представляю, как радовались кооперативники, которые всучили мне их по восемнадцать тысяч за тонну. От этой сделки рыдала моя бухгалтер, она не понимала, почему я сняла все деньги со счета и купила эту дрянь, она не училась у Гайдара. Но я знала, что промедление смерти подобно, что товар - это деньги, а деньги были ничто в этот момент. Нитки были бракованные, ими нельзя было шить, из них нельзя было вязать, но я, как дизайнер по трикотажу, решила, что их можно спрятать. И с этой безумной мыслью пришла на фабрику. Нам сделали десять с половиной тысяч метров тканей, и она получилась неожиданной и невиданной красоты, я ее даже запатентовала. Эта ткань нас до сих пор кормит - надомницы шьют из нее авторские вещи.

Афганский опыт вылился в то, что при «Ордене» возникла рабочая Контактная группа по урегулированию конфликтов. Мы были приглашены в Общественную палату при Президенте России. Работали в зоне осетино-ингушского конфликта и провели первые удачные переговоры в Терее, доказавшие действительность народной дипломатии. Перенесли Контактную группу в Общественную палату при Президенте, я вводила в нее членов каждого из комитетов палаты, когда выезжала в зоны конфликта. Три года назад я такую группу повела по поводу невыполнения указа президента «по возвращению депортированных в Пригородный район», и мы наделали много шума, потому что никак не мог-

ли привлечь к этой проблеме внимание. И только после нашей поездки туда поехал разбираться Сергей Ковалев.

Я была в Назрани, когда Шахрай засылал туда всех этнографов и всех конфликтологов с нулевым успехом. У него миротворцы жили в вагончиках и выходили в туалет под охраной автоматчиков. А я каждую ночь проводила в новом доме, и ни один волос не упал с моей головы. Я встречалась со старейшинами и организовывала переговоры. Я добила успеха не потому, что я актриса, а потому, что я выросла на Кавказе, и прихожу к ним не с имперскими амбициями, не с карьерным политическим интересом, а как дочь. А эти люди издавна распознают ложь. Мы были в Тхенвали, в Грозном, в Северной и Южной Осетии, в Армении, в Абхазии, в Азербайджане. Сегодня «Орден милосердия» работает по нескольким направлениям. Анализируя социальную ситуацию, мы решили, что самые незащищенные - это женщины, у которых 1-2 ребенка и никаких помощников. И помогаем им из рук в руки, в семью, потому что они не украдут сами себя. Когда «Маяк» провел два «марафона» и появились деньги на счету, мы платили пенсиям матерям, сыновья которых пропали без вести в Афганистане. Матерям погибших платило государство, а эти остались совсем незащищенными. Сейчас мы помогаем матерям-одиночкам, которым по полгода не выплачивают зарплату, это ученые, музейщицы, библиотечарши, учительницы, которые боятся потерять свою среду. У нас дифференцированный подход к детям, некоторым мы оплачиваем изучение языка или музыку, отправляем в лагерь, на лечение за рубеж.

Мы много занимаемся бомжами. Даже изобрели «охранную грамоту». Это был абсолютно авантюрный ход. Бомжи - замкнутый круг: без работы их не могут прописать, а без прописки не берут на работу. В 90-м году я провела эксперимент, взяла показательного бомжа и создала ему все условия. Посадила в белую «Волгу» и привезла к нашему учителю в «Информ-электро», к Михаилу Дмитриевичу Малену. Изложила идею, говорю, что выдала бомжу «охранную грамоту», что он находится у нас под охраной, что у него нет прописки, но он участвует в эксперименте. Грамота приводила в шок всю милицию, когда они брали ее в руки, они не знали, что делать, и чуть ли не честь отдавали этому бомжу. Но в итоге теперь эти грамоты, наше «ноу-хау», и действительно официально охраняют.

Я кинула клич по Союзу писателей, писатели принесли свои «тройки» и галстуки, одели экспериментального бомжа. Малей взял его на работу и оплатил однокомнатную квартиру. Бомж дал интервью телевидению, начал ходить в галстук, поспалил письма телезрительниц, все хотели за него замуж, в костюме он был мужичина видный. И все бы хорошо, но через три месяца он стал пить, а лечиться отказался. Однажды выехал в командировку, украл пять рублей и вылез через окно. Потом написал покаянное письмо и больше со стыда на глаза не показывается. Для себя я поняла, что это очень серьезная проблема, и общественная организация не может подменить государство. Хотя несколько бомжей мы реабилитировали подобным образом, и они теперь зарабатывают огромные деньги в частных фирмах.

На сегодняшний день мы можем бомжей только кормить, лечить и одевать. Собираем старую одежду и обувь. Вот сейчас к осени они пойдут к нам потоком, с разбитыми ногами, обертнутыми полотенцами, поэтому мы ждем всех желающих отдать ненужную одежду и обувь.

Конечно, часто сталкиваешься с нищенством как с профессией, а не как с бедой. Но сейчас мы умеем распознавать, а раньше были наивные. Идем по переходу в метро, видим бабушку с ребенком. Мы ее и накормим, и работу найдем, а потом оказываемся, что бабушке сорок девять лет, и при следующей встрече в переходе, заведем нас, она бежит, как лань. У нас была потрясающая нищая, ходила в белом халате, исписанном автографами. Она собирала подписи на халате года два на митингах, а потом продала за десять тысяч долларов иностранцу. У нее были автографы председателей комитетов, членов правительства, на каком-то митинге умурились взять автограф чуть ли не у Черномырдина или Строева. Однажды она работала нищенкой, у меня есть шикарное вечернее платье, я могу себе позволить ужин в «Метрополе». Просто у меня работа такая, и мне она нравится.

Я много занималась беженцами, сделала и запатентовала адаптационную программу. По ней мы вывели больше четырехсот детей из Чечни, Ингушетии и Осетии. Пролечили, адаптировали, одели, обули и вернули. Это довольно сложная, ювелирная работа, под каждую группу надо разрабатывать все, начиная с ролевых игр и кончая тем, что надо их сориентировать друг на друга, потому что они часто из равной социальной среды. Как-то вывозила в одном самолете детей враждующих сторон, в Москве они подружались и, расставаясь, плакали, а родители тащили их в разные стороны.

Последняя программа, которую запустил наш «Орден милосердия», это банк взаимных услуг. Мы придумали внутренние деньги: наши волонтеры делают добрые дела, которые оцениваются в баллах, а при возникновении сложной ситуации для них кто-то другой делает добрые дела, а баллы с них списываются. Причем не обязательно баллы списывать на себя, ими могут воспользоваться ваши родственники или друзья. У меня есть женщина-инвалид, которая дает уроки языка за то, что ей мой отец. А молодые ребята готовы бегать по магазинам для старухи, чтобы потом за них кто-то посидел дома с их младшими, а они пошли бы на дискотеку. Человек звонит и просто называет свою фамилию, по карточке мы вычисляем, сколько у него баллов, и узнаем, на что он их хочет употребить: уклады ему сделать, полы помыть, на даче грядки прополоть, с собакой погулять или с его стариками поспать. В наших компьютерных уже сотни людей, готовых обменяться услугами. Государство заинтересовано в этой программе, оно «спускает пар» социальной напряженности, люди начинают «закопываться» друг на друга и сами себя активно вырабатывают. Это своего рода коммунизм. Субсидий на программу пока, к сожалению, нет, нам не на что ее развивать в полном объеме.

А все желающие отдать старые вещи, вступить в Банк взаимных услуг или субсидировать его программы, могут найти нас по адресу: Москва, улица Пестеля, дом 6-Б и по телефону 903-79-93.

Записки
Павел МИРОШНИК

Газета зарегистрирована в Мининформпечати РФ 20 августа 1991 г. Регистрационный номер 1054.

© **Общая газета**. Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «ОГ» обязательна.

Правовое обслуживание газеты осуществляет
Адвокатское бюро «Резник, Гагарин и партнеры» МГК.

Макет разработан дизайн-бюро «KitAto».

Отдел распространения Людмила ЛИР. Тел.: 915-53-89

Отдел рекламы Тел.: 915-75-23; факс: 915-26-06

Наш подписной индекс: 32138

Адрес редакции: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1. Справки по телефону: 915-22-88; факс: 915-51-71, e-mail: oginfo@corbina.ru

Адрес «Гостиницы «ОГ»: 121151, Москва, Кузнецкий пр., д. 22

Электронная версия «ОГ» в Internet: www.relis.ru/MEDIA/og.html, в базе данных: www.integrum.ru.

Подписка по телефонам: 913-53-21, 276-65-98

Общая Газета

Редакторат: Николай АНДРЕЕВ, Валерий КИЧИН, Анатолий КОСТЮКОВ, Анна ПОЛИТКОВСКАЯ, Юрий СОЛОМОНОВ, Ольга ТИМОФЕЕВА, Егор ЯКОВЛЕВ. **Секретариат:** Елена БОГОМОЛОВА, Юрий ПАТРИН, Евгений СЕМЕНОВ. **Руководители направлений:** Игорь АНДРЕЕВ (информация), Алексей БАУСИН (международная жизнь), Владимир КИСЕЛЕВ (национальные проблемы), Елена КОКУРИНА (наука), Наталья КРАМИНОВА (этика), Оксана ПОЛОНСКАЯ (спорт), Елена СКВОРЦОВА (право). **Представители за рубежом:** Николай АЛЕКСАНДРОВ, Федор РЮРИКОВ (Прага), Сергей БОРИСОВ (Алма-Ата), Эдуард ГОВОРУШКО (Рига), Александр ЖУРБИН (Нью-Йорк), Наталья ЛОПАТИНСКАЯ (Вильнюс), Анастасия ОКУНЕВА (Кишинев), Лариса ОСТРОЛУЦКАЯ (Киев), Борис ПАНКИН (Стокгольм), Аркадий РОММ (Одесса), Алексей СЛАВИН (Берлин), Виталий ТАРАС (Минск), Алексей ХАЗОВ (Рим), Вера ЦЕРЕТЕЛИ (Тбилиси), Борис ШЕСТАКОВ (Будапешт). **Исполнительный директор** Наталия КЛОЧКО. **Финансовый директор** Дмитрий ШАЛИН. **Директор по развитию** Татьяна КАРАСОВА.

Общий тираж «ОГ» - 213590 экз. (региональный - 145000 экз.). Цена свободная

Розничное распространение
в Московском Метрополитене - Агентство **МЕТРОПРЕСС**
в С.-Петербургском Метрополитене - ООО «МЕТРОПРЕСС»

Вёрстка компьютерного центра «Общей газеты».
Технический директор Валерий МАКАРОВ.
Отпечатано в типографии издательства «Пресса»,
125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.
Номер подписан в печать 20.08.97 г. Заказ 2141.